

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В БЕЛАРУСИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПО АНАЛОГИИ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Введение. В век информатизации свое широкое распространение получили цифровые права. Все чаще вводятся в оборот цифровые активы, такие как криптовалюта, токены (NFT, utility, security token, и иные их разновидности). В связи с чем возникла необходимость их урегулировать на законодательном уровне.

Одним из наиболее перспективных путей развития и актуализации гражданского законодательства Республики Беларусь считаем выделение цифровых прав в качестве отдельного объекта гражданских правоотношений. Исследование законодательства зарубежных государств может помочь в устранении пробела в праве и урегулировать интересующие нас правоотношения, основываясь на опыте Российской Федерации, в частности.

Основная часть. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, работы и услуги, нераскрытая информация, объекты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага [1]. Данный перечень является исчерпывающим и традиционно отражает классическую систему объектов гражданского права. Однако в условиях цифровизации экономики и активного развития технологий блокчейн, токенизации и криптовалют этот перечень оказался недостаточным для охвата новых явлений.

Цифровые активы по своей правовой природе обладают двойственной сущностью: с одной стороны, они могут выполнять функцию удостоверения имущественных прав или обязательств, а с другой — являться уникальными и самодостаточными объектами оборота, как это характерно для невзаимозаменяемых токенов (NFT). Такая специфика не позволяет напрямую отнести цифровые активы ни к вещам, ни к имущественным правам, ни к результатам интеллектуальной деятельности.

Впервые, на постсоветском пространстве, попытки по урегулированию сферы цифровой экономики были предприняты в Республике Беларусь посредством Декрета Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» [2]. Этот нормативный акт закрепил основы функционирования токенов как записей в реестре блокчейн, определил правила их выпуска, обращения и хранения, а также установил льготные условия для резидентов Парка высоких технологий.

Положения вышеупомянутого Декрета носят преимущественно организационно-экономический характер и практически не затрагивают гражданско-правовую природу цифровых объектов. Вследствие чего, остаются открытыми вопросы наследования, ареста и взыскания цифровых активов, возможности признания их совместной собственностью.

Опыт Российской Федерации в вопросе правового регулирования цифровых прав представляет особый интерес для Республики Беларусь. В 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации была введена ст. 141.1, которая закрепила цифровые права как самостоятельную категорию объектов гражданских прав. Статья 141.1 признает в качестве цифровых прав «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы» [3]

Преимущество российской модели заключается в том, что она обеспечивает гибкость регулирования: законодатель не фиксирует жёсткое определение цифрового актива, а связывает его правовой режим с информационной системой, в которой такой актив существует. Это даёт возможность адаптироваться к новым технологическим формам токенов и не ограничиваться заранее определёнными категориями.

Европейский союз также демонстрирует активную позицию в данной сфере. Принятый в 2023 году Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets) [4] закрепил единый подход к регулированию криптоактивов на уровне ЕС. В отличие от российской модели, европейский подход носит более детализированный характер, предусматривая классификацию токенов, устанавливая требования к эмитентам, а также регулируя деятельность криптобирж и сервисов хранения цифровых активов.

Интересен и опыт стран Азии. В Китае криптовалюта признаётся имуществом, на которое может быть обращено взыскание, а суды Сингапура квалифицируют цифровые активы как объект гражданско-правовой защиты. Таким образом создаются предпосылки для эффективной реализации прав кредиторов и наследников [5, с. 293].

Мы считаем целесообразным внесение изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, дополнив перечень объектов гражданских прав в ст. 128 цифровыми правами. Также считаем необходимым закрепление статьи 128–1, по аналогии со ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ [3]. Предлагаем следующую формулировку нормы:

1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе

передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

3. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Заключение. Введение цифровых прав в систему гражданского законодательства Беларуси окажет значительное влияние на развитие правовой системы и экономики страны. Оно позволит устранить пробелы в регулировании, обеспечить защиту прав участников цифрового оборота, а также укрепить позиции Республики Беларусь на международной арене в сфере цифровых технологий.

Подводя итог, можно отметить, что заимствование российского опыта и его адаптация к белорусским условиям представляют собой реальный путь модернизации гражданского законодательства. Это очередной шаг к формированию в Беларуси современного правового порядка, способного адекватно реагировать на вызовы цифровой экономики и обеспечивать баланс между инновациями и правовой стабильностью.

Список цитируемых источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 36. — Ст. 2.
2. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. — URL: : <https://pravo.by> (дата доступа: 11.09.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : ред. от 29 дек. 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. — 2023. — L 150. — P. 40–205.
5. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 512 с.

УДК 378.14

А. А. Аскерова, М. О. Колосовская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

Научный руководитель Н. А. Петровский

ХАРТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОБ ОСНОВНЫХ ПРАВАХ 2000 Г. (В РЕДАКЦИИ ОТ 12 ДЕКАБРЯ 2007 ГОДА)

Введение. Хартия основных прав Европейского союза (далее — Хартия) представляет собой совокупность политических, гражданских, социальных и экономических прав, собранных в одном документе с целью повышения видимости и защиты прав в правовом пространстве ЕС. Цель статьи — проанализировать происхождение, структуру, правовой статус Хартии (с учётом редакции от 12 декабря 2007 г.) и оценить её практическую значимость для правоприменения в ЕС и для государств-членов. Задачи: историко-правовой анализ, систематизация ключевых прав, изучение правового статуса и идентификация проблем применения [1].

Основная часть. Инициатива к кодификации фундаментальных прав на уровне ЕС получила поддержку в конце 1990-х годов; проект был подготовлен Европейской Конвенцией и торжественно провозглашён 7 декабря 2000 г. в Ницце Европейским парламентом, Советом и Комиссией. В процессе подготовки к ревизии европейских договоров текст Хартии был адаптирован и формально «переработан» в Страсбурге 12 декабря 2007 г.; именно в такой редакции Хартия фигурирует в последующих нормах, связанных с Лиссабонским договором [1].

Хартия обладает семититульной структурой: Достоинство; Свобода; Равенство; Солидарность; Гражданские права; Правосудие; Толкование и применение. В сумме — около 50–54 статей (в зависимости от редакции) — охватываются такие права, как право на жизнь и запрета пыток, социальные права (право на образование, охрану здоровья) и гражданские права (право на данные, свобода выражения). Многие нормы заимствованы из ЕКПЧ, Европейской социальной хартии и практики Суда ЕС, но в Хартии часть социальных и экономических прав изложены более подробно [2].

Хартия обрела юридическую силу вместе с вступлением в силу Лиссабонского договора (1 декабря 2009 г.): согласно изменённой редакции Договора об Европейском союзе, «Союз признаёт права, свободы и принципы, изложенные в Хартии... которые имеют ту же юридическую силу, что и Договоры». При этом область применения ограничена: Хартия адресована институтам ЕС и государствам-членам **только тогда, когда** они реализуют право ЕС (Статья 51). Иначе говоря, Хартия не расширяет компетенции Союза и не вводит новых оснований для вмешательства в национальную юрисдикцию вне рамок реализации права ЕС [3].